

В «Гараже» открывается выставка, посвященная тридцатилетию первого московского аукциона «Сотбис». О прорыве современного русского искусства на Запад Vogue узнал из первых рук – от аукциониста Симона де Пури.

П О В Е Р Х

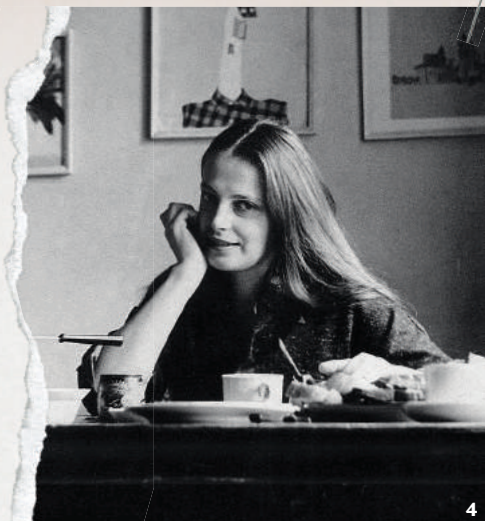
БАРЬЕРОВ

В 1988 году Берлинская стена все еще казалась нерушимой, а холодная война — бесконечной. Организовать аукцион русского авангарда и современного искусства в Москве удалось только благодаря невероятному стечению обстоятельств. Я долго работал куратором в мадридском Музее Тиссена-Борнемисы, и даже когда в 1986 году снова стал исполнительным директором «Сотбис» в Европе, все равно продолжал раз в неделю работать на барона Тиссена. Мы затеяли обмен экспонатами с Эрмитажем и Музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и часто ездили в Москву и Ленинград. Однажды мы с бароном приехали встретиться с Горбачевым и его женой. По дороге обратно, уже в аэропорту, я понял, что забыл в гостинице паспорт: пришлось за ним возвращаться в компа-

нии сотрудника Министерства культуры Сергея Попова. Поездка была долгой, и в какой-то момент я спросил Сергея, возможно ли, с его точки зрения, организовать аукцион «Сотбис» в Москве. Думал, он скажет, что я сошел с ума и этому никогда не бывать. Но он нашел идею интересной и спросил, что я хочу на нем продавать. Я предложил посвятить первую часть аукциона основоположникам абстрактного искусства, поскольку лучшие из них работали в XX веке в России — Малевич, Родченко, Степанова, Ларионов — и потомки многих из них до сих пор живут в Москве. А в основной части аукциона представить современных художников из СССР.

В то время, чтобы стать членом официального Союза художников, необходимо было рисовать передовиков производства или портреты Ленина. Тогда тебя

4

6

5

8

7

1. ТРИДЦАТИСЕМИЛЕТНИЙ СИМОН ДЕ ПУРИ НАБИВАЕТ ЦЕНУ АВАНГАРДНОМУ СОВЕТСКОМУ ИСКУССТВУ. 2. «N-5», ВАДИМ ЗАХАРОВ, МАСЛО И ЭМАЛЬ, ХОЛСТ, 1985. 3. «КОМПОЗИЦИЯ», АЛЕКСАНДР РОДЧЕНКО, ГУАШЬ, БУМАГА, 1916. 4, 5. ИРИНА НАХОВА И ЕЕ РАБОТА «АЗБУКА», МАСЛО И ТЕМПЕРА ПО ДЕРЕВУ, 1981. 6, 7. НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА И ЕЕ РАБОТА «КАРУСЕЛЬ В ПЕСКЕ», МАСЛО, ХОЛСТ, 1987. 8. АУКЦИОН В ХАММЕРОВСКОМ ЦЕНТРЕ ЗАРАБОТАЛ В ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛЬШЕ ЭСТИМЕЙТА – ДВА МИЛЛИОНА ФУНТОВ.

ФОТО: WOLTEK LASK/EAST NEWS (1); @SOTHEBY'S 2017 (1); Личный архив (6); архив VOGUE (1)

принимали в Академию художеств, ты получал студию и материалы. Иначе ты вынужден был зарабатывать на жизнь чем-то другим. Меня с некоторыми художниками, например с Ильей Кабаковым, познакомил швейцарец Пол Джоллс, бывший министр и председатель концерна Nestle, обожавший искусство. Помню, как мы приехали к Кабакову, и я карабкался вверх по ступенькам и в итоге оказался в комнате, полной картин. Некоторые даже не проходили в дверной проем! Кабаков сказал, что понятия не имеет, зачем он так много пишет, ведь все это нигде выставлять. В некоторые работы я буквально влюбился и хотел, чтобы они оказались на аукционе.

Как ни странно, после той поездки на такси Министерство культуры подтвердило, что оно заинтересовано в организации аукциона. Теперь нужно было убедить моих коллег. Но договориться с ними было намного сложнее, чем с русскими! В то время генеральным директором «Сотбис» был Майкл Эйнсли из Нью-Йорка, а председателем европейского аукциона — лорд Гоури. Они оба боялись организационных проблем. Наконец, мои коллеги тоже сказали да.

Интереснее всего был даже не сам аукцион, а подготовка к нему. Это сейчас в Москве находятся лучшие рестораны, ночные клубы, магазины, а тогда ничего этого не было, но все равно можно было отлично провести время. У меня два любимых города — Нью-Йорк и Москва. Потому что стоит только оказаться в одном из них, как сразу же чувствуешь энергию города, в котором никогда не бывает скучно. И в восьмидесятые здесь можно было великолепно провести время, но не в ресторанах,

а в гостях! Нас приглашали к себе — обычно в очень скромные квартиры — художники, кураторы и чиновники Минкульта. Подавали прекрасную еду, и мы пили всю ночь напролет. Все были удивительно гостеприимны, и я до сих пор помню наши чудесные вечера.

Я составил список художников для Министерства культуры, и, к нашему удивлению, они согласились без вопросов, навязав нам всего одного своего кандидата — популярного в Советском Союзе Илью Глазунова. Работы для аукциона хранились в красивой церкви в центре Москвы. Но дело было зимой, и стояли страшные морозы. Мы даже не могли снять пальто! Однако когда мы увидели эту гору полотен, то пришли в полный восторг.

Но на сам аукцион необходимо было привезти покупателей, и мы решили организовать для американских и европейских коллекционеров незабываемое путешествие в Москву и показать им студии художников. Россия была экзотикой сама по себе, мы же предлагали программу, недоступную обычным туристам.

Коллекционеры остановились в гостинице «Международная» в Хаммеровском центре, там, где проходил аукцион. Это была самая новая гостиница в Москве — огромная! В то время приезжавшие в Москву иностранцы были уверены, что их везде подслушивают. Например, мы становились посередине номера и говорили: «Через десять минут нам нужно ехать по делам», спускались вниз и обнаруживали, что машина уже ждет нас.

>

1. БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЙ МАСШТАБ: ТРИДЦАТЬ ТЕЛЕФОННЫХ ЛИНИЙ, ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ХУДОЖНИКА, ТРИ ТЫСЯЧИ ЗРИТЕЛЕЙ. 2. «ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКSIKON», ГРИША БРУСКИН, МАСЛО, ХОЛСТ, 1986. 3. ТАТЬЯНА НАЗАРЕНКО ДЕМОНСТРИРУЕТ РАБОТЫ ДЛЯ АУКЦИОНА В СВОЕЙ МАСТЕРСКОЙ. 4. «АССА, ПЛЕМЯШИ!», СЕРГЕЙ ШУТОВ, МАСЛО, ХОЛСТ, 1987.

Мы отправили каталог всем подписчикам «Сотбис», интересовавшимся современным искусством, и подключили целую кучу телефонных линий — около тридцати. Мы понимали, что для того, чтобы аукцион прошел успешно, нам нужно намного больше участников, чем мы могли привезти. Это сейчас редкий аукцион контемпорари-арта обходится без богатых русских коллекционеров, а тогда русские участвовать не могли, поскольку аукцион проводился в фунтах стерлингов, а не в рублях и в России в то время просто не было любителей искусства, у которых были бы средства для участия.

В день аукциона все телефоны вышли из строя, и никто не мог их починить. Сотрудники министерства сказали, что сделали все, что могли, но у них возникли технические сложности и придется проводить аукцион без телефонов. Я представлял себе, как мы опозоримся, причем перед лицом СМИ, приехавших со всего мира. Ведь одни только новостные телеканалы прислали двадцать семь корреспондентов.

Мои коллеги тоже занервничали. Организовать аукцион было совсем недешево, а привезти всех в Москву — вообще целая головоломка. За пять минут до начала аукциона телефоны так и не начали работать. Я так расстроился, что шел на трибуну, как на гильотину. Вообще я никогда не пью перед работой, так как хочу сохранить свежую голову, но тут мой коллега, главный продавец «Сотбис» Питер Баткин, который вместе со мной занимался всей организацией, налил мне рюмку водки. Я выпил залпом и уже собирался подняться на трибуну, как вдруг произошло чудо: заработали все телефонные линии! Сотрудники бросились лихорадочно звонить клиентам, которые сидели по всему миру у телефона и ждали от нас звонка.

В зал набилось три тысячи человек: покупатели, почти все художники (что было крайне необычно!), пресса, москвичи. Первая треть аукциона была посвящена русскому авангарду. У нас был представлен чудесный Родченко и некоторые работы Степановой. В результате картины ушли за баснословную цену. Родченко, например, купили за триста тридцать тысяч фунтов (почти девятьсот тысяч фунтов в деньгах 2018 года), поставив рекорд для этого и ранее востребованного на Западе художника.

Одну из работ Ильи Кабакова купил владелец аукциона «Сотбис», а затем подарил Советскому Союзу. С тех пор картину никто и никогда не видел.

1 **Ответы** Экспериментальной группы «Наблюд.РСК»

Николай Павлович Малышев: Здесь я повешу свой новый плащ.	Карп Вениаминович Сорин: Раньше здесь была автомашина.
Николай Аркадьевич Кривов: Этот паровоз я купил для Володи моего сына.	Глеб Александрович Шихаев: Я бы убрал палку, она плохо нарисована и здесь не нужна.
Александр Алексеевич Косе: Гвоздь забыла моя жена. Брюханова Анна Алексеевна.	Алексей Дмитриевич Лисицын: Я бы повесил здесь, на эту бешалку, какой-нибудь костюм.
Анна Борисовна Городочкина: Я ничего не понимаю.	Борис Павлович Николаев: Мне тоже кажется, что не хватает какого-то предмета.
Володя Малышев: Гвоздь можно легко бытачить.	Александра Мироновна Львова: Эта пофигистичность оставит какого-то на
Элина Марковна Ямпольская: Надо поехать за дробани, дроба совсем кончилась.	Иван: Это сидит псевдо
Леночка Синицына: Палка не похожа на палку.	Тут п
Софья Михайловна Солодова: В этом году нужно будет обязательно поехать к Лие и взять с собой Жюль	Анна: Мне не

1. 2. ИЛЬЯ КАБАКОВ И ЕГО РАБОТА «ОТВЕТЫ», МАСЛО, АЛИКТ, ЭМАЛЬ, ЧЕРНИЛА, ДОСКА, 1971.
3. ПРЕДАУКЦИОННАЯ ВЫСТАВКА SOTHEBY'S В «МЕЖДУНАРОДНОЙ».

Потом дошла очередь и до современного искусства. Картины неофициальных художников никогда не продавались, поэтому цены в каталоге значились низкие. Одним из первых был Гриша Брускин. На обложке каталога разместили его картину «Фундаментальный лексикон». Таких работ было две — одну купил Милош Форман, чешский режиссер и сценарист, обладатель «Оскара», снявший «Пролетая над гнездом кукушки» и «Амадея». Но никто не ожидал, что «Фундаментальный лексикон» будет продан за такую гигантскую сумму — двести сорок две тысячи фунтов! Купил картину по телефону немецкий коллекционер. Остальные расхватили одну за другой! Я, хлебнув водки, пребывал в полной эйфории.

Одну из картин Кабакова купил владелец «Сотбис» Альфред Таубман. После аукциона он пожертвовал картину СССР, сказав: «Я хочу, чтобы эта работа стала первой в музее современного искусства». О картине больше никто не слышал. По одной картине Копыстьянского и Копыстьянской (у нас была представлена целая семья — современная версия Родченко и Степановой) купил по телефону Элтон Джон, заплатив по сорок четыре тысячи фунтов за каждую. Еще одна работа Копыстьянского, проданная на аукционе, позднее всплыла в коллекции Дэвида Боуи, который, вероятно, купил ее через другого человека. У одного из коллекционеров был дорожный фотоаппарат, лучший из имевшихся тогда на рынке. Когда он приехал в студию к Копыстьянскому, тот предложил обменять его на одну из своих картин, но коллекционер отказался. В результате он чувствовал себя довольно глупо.

В общем, это был триумф, который мы не могли себе представить даже в самых смелых мечтах. Ни до, ни после не было аукциона, на котором люди бурно аплодировали бы после каждого лота, после каждого удара молотка. Помню, как улыбались художники. Все были взволнованы не на шутку.

бокалы друг за друга, а я испытывал просто невероятное облегчение, поскольку понимал: случись что, отвечать пришлось бы мне. По русской традиции тосты следовали один за другим, и той ночью я выпил немало. Я был в полном восторге от такого финала.

Но затем триумф и отличная реклама сменились кошмаром. Мы договорились, что «Сотбис» заплатит Министерству культуры, а оно, в свою очередь, художникам. И тут случилась беда: авторы проданных работ звонили нам каждый день и утверждали, что им до сих пор не заплатили. Мы давили на министерство, но дело не двигалось с мертвой точки. Некоторые художники дали интервью журналистам: получается, что аукцион пошел во вред создателям картин, а это было недопустимо. Тут важнейшую роль сыграл лорд Гоури. До того как стать председателем европейского «Сотбис», он был министром искусства в кабинете Маргарет Тэтчер. В Лондон с официальным визитом должен был приехать Горбачев, и лорд Гоури позвонил Тэтчер и объяснил ей важность вопроса. Она обещала внести его в повестку дня. И уже в день визита нам позвонили художники и сказали, что с ними только что расплатились.

После аукциона многие художники эмигрировали. Кто-то начал работать в другом стиле. Сам я тогда купил работу Вадима Захарова. Он рисовал чудесные полотна, и, с моей точки зрения, у него был самый большой потенциал из всех участников аукциона. Я был уверен, что он, умный и симпатичный, станет звездой! Но он занялся некоммерческой работой: делал инсталляции и устраивал перформансы. И в 2013 году на Венецианской биеннале весь русский павильон состоял из работ Вадима Захарова! Сейчас многие художники вернулись в Россию или путешествуют из страны в страну. Например, Эрик Булатов (к сожалению, на том аукционе не были представлены его работы) живет то в Париже, то в Москве, Кабаковы — то в России, то в Нью-Йорке, да и Брускин, сперва эмигрировавший в Нью-Йорк, теперь ездит туда-сюда.

Тот аукцион изменил лицо современного искусства. До 1988 года оно ассоциировалось только с художниками и коллекционерами из Западной Европы и Америки. После аукциона все обратили внимание на то, что происходит за пределами их стран, и заинтересовались произведениями искусства, которые создавались не только в Европе и Америке. Недавно при поддержке Пьера Кардена «Сотбис» прошел даже в Китае. Но началось все с Москвы. Именно здесь перед нами открылся целый мир.

Записала Фиона Маккензи-Джонстон